

На правах рукописи

Кузнецов Алексей Владимирович

**Проблемы применения института уступки права (требования)
в современном гражданском праве**

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Екатеринбург – 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент
Голофаев Виталий Викторович

Официальные оппоненты: **Кузнецова Ольга Анатольевна**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»,
кафедра гражданского права
Забоеев Константин Игоревич
кандидат юридических наук,
Арбитражный суд Свердловской области, судья

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Южно – Уральский
государственный университет (национальный
исследовательский университет)»**

Защита состоится «19» декабря 2012г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д.212.282.01 в Уральской государственной юридической академии по адресу: 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, зал заседаний совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральской государственной юридической академии.

Автореферат разослан «15» ноября 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Этап активного реформирования социальных отношений в России привел к глубоким преобразованиям, в том числе и в экономической сфере. Это вызвало потребность нового подхода к правовому регулированию имущественных и связанных с ними неимущественных благ. Существенно усложнился и развился гражданский оборот, что привело к более широкому использованию различного рода гражданско – правовых обязательств. Обязательственные отношения стали правовой основой и воплощением любого цивилизованного бизнеса. Неотъемлемым признаком современного имущественного оборота выступает закрепленная в законе возможность замены кредитора в обязательстве, которая представляет собой сущность института уступки права (цессии).

Данный институт не является новым для отечественного гражданского законодательства. Однако его практическая востребованность в период действия Гражданских кодексов РСФСР 1922 и 1964 гг. была достаточно низка. Это привело к слабому развитию доктрины о перемене лиц в обязательстве в советском гражданском праве, а с принятием Гражданского кодекса РФ 1994 г. (далее – ГК РФ) – к проблемному становлению современной практики применения норм об уступке прав (требований).

За более чем пятнадцатилетний период действия части первой ГК РФ при рассмотрении споров по договорам уступки права (требований) судебными органами РФ были выявлены и сформулированы важные вопросы, требующие правосудного разрешения. Результатом такой работы явилось формирование устойчивых положений судебно – арбитражной практики, важнейшую роль в становлении которых следует признать за Высшим Арбитражным Судом РФ. При этом следует учитывать, что

сформированная позиция судебных органов не является чем – то навсегда устоявшимся. Подвергаясь постоянному анализу, не последнее значение в котором играют современные научные разработки, она подвержена определенным изменениям. В то же время вести речь о полном соответствии современной правоприменительной практики в области уступки прав (требований) потребностям расширения оборота обязательственных прав представляется преждевременным.

Очевидно, что одной из наиболее существенных проблем эффективного применения положений об уступке права (требования) на современном этапе развития экономики является отсутствие комплексного нормативного регулирования данного института обязательственного права непосредственно в ГК РФ. В отличие от законодательства других развитых стран цессионные правоотношения в отечественном праве не получили подробной регламентации. В настоящее время переход прав кредитора регулируется § 1 главы 24 ГК РФ, содержащей всего девять статей, посвященных в основном правам и обязанностям сторон, но не дающих ответ на большинство вопросов касательно основных характеристик и особенностей данного института, а также специфики такого объекта гражданских прав, как имущественное право (требование). Для правовой системы, признающей в качестве основного источника права закон, такое положение вещей вряд ли можно считать оптимальным.

В проекте изменений в ГК РФ¹ (далее – Проект), внесенном Президентом Российской Федерации в Государственную Думу, содержится уже тринадцать статей, непосредственно посвященных вопросам уступки прав (требований), что является несомненным прогрессом правового регулирования в данной области. Тем не менее, анализ предложенных

---

¹ Проект Федерального закона № 47538 – 6 – во втором чтении «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/420467.html> (дата обращения 22.09.2012)

поправок позволяет сделать вывод о том, что большая часть «новелл» представляет собой перенесение в ГК подходов, выработанных правоприменительной практикой и уже широко использующихся в гражданском обороте. Большинство же вопросов, касающихся особенностей данного объекта гражданских прав, предопределяющих специфику его участия в товарно – денежных отношениях, к сожалению, в очередной раз не получат своего разрешения на законодательном уровне.

Не менее важным для развития института цессии выступает разграничение понятий «обязательство» и «обязательственное правоотношение», которое в отечественном законодательстве специально не регулируется. Нельзя, однако, сказать, что данное обстоятельство делает цессию невостребованной конструкцией в современной экономике. Напротив, оборот имущественных прав растет из года в год и дальнейшее развитие данного сегмента рынка имеет серьезные перспективы. «В современном экономическом рыночном обороте, когда развитие товарно – денежных отношений достигло высокого уровня, переуступка права требования кажется чем – то само собой разумеющимся. Право требования в наши дни – подобно недвижимым и движимым вещам – рассматривается как самостоятельный имущественный объект»¹. При таких обстоятельствах перед законодателем ставятся качественно новые задачи по совершенствованию правового инструментария с использованием передового опыта иностранного права, а также собственных теоретических наработок в этой области.

Отмеченные выше обстоятельства предопределили актуальность выбранной темы диссертационного исследования в теоретическом, правоприменительном и правотворческом аспектах.

В представленной работе предпринята попытка комплексного анализа основных проблем правоприменения положений об уступке прав

¹ Почуйкин В. В. Уступка права требования: Основные проблемы применения в современном гражданском праве России. М.: Статут, 2005. С. 4

(требований) с учетом специфики объекта и особенностей цессионного правоотношения.

Степень разработанности темы в юридической литературе.

Стремительное вовлечение обязательственных прав (требований) в торговый оборот предопределили интерес исследователей к более серьезной проработке конструкции «обязательственное право – объект гражданских прав» и институту цессии, обеспечивающему динамику данного имущественного блага в современной экономике. За последние десять лет издан ряд монографий, посвященных изучению как специфики обязательственных прав (требований) в качестве объекта оборота (В. В. Байбак, А. С. Яковлев), так и особенностям института уступки права (требования) в условиях развивающегося законодательства и правоприменительной практики (Л. А. Новоселова, В. В. Почуйкин). Следует отметить немалое количество диссертационных исследований, посвященных как теоретическим аспектам цессионных правоотношений (О. Г. Ломидзе, О.А. Колесников, О. В. Приказчикова), так и сугубо прикладным вопросам оборота обязательственных прав (требований) (А. В. Пушкина, С. Б. Култышев). Тем не менее, развитие рынков долгового и проектного финансирования, проблемы ликвидности экономических субъектов и секьюритизации активов предопределяют дальнейшее совершенствование теоретических разработок в области цессионных правоотношений и сохраняют актуальность дальнейших исследований по отдельным вопросам передачи (уступки) обязательственных прав (требований).

Цель и основные задачи исследования. Основной целью работы является выявление правовой сущности института цессии в российском гражданском праве, рассмотрение основных проблем применения норм об уступке прав (требований) в гражданском праве России и построение непротиворечивых моделей участия в обороте отдельных видов обязательственных прав (требований).

В ходе исследования были поставлены задачи:

- а) исследовать специфику такого объекта гражданских прав, как имущественное право (требование), обосновать возможность его самостоятельного участия в обороте и определить объем правомочий субъекта в отношении передаваемого/принимаемого права (требования);
- б) рассмотреть основные характеристики института перемены лица в обязательстве, выявить особенности цессионного правоотношения, влияющие на объем обязательств сторон, обосновать разграничение соглашения об уступке и сделки уступки (цессии);
- в) обозначить проблемы, возникающие при практическом применении положений об уступке прав (требований), дать оценку существующим позициям по отдельным аспектам толкования правовых норм, регулирующих данную область отношений;
- г) на основе зарубежного опыта и мнения ряда отечественных исследователей проанализировать основные теоретические модели участия в обороте отдельных видов обязательственных прав, определить необходимые условия для их вовлечения в оборот;
- д) выработать обоснованную позицию о возможности уступки прав из двусторонне – обязывающих и «дляющихся» договоров, «будущих» прав и прав, возникающих из кредитных правоотношений;
- е) сформулировать предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Методологическая, теоретическая и эмпирическая основа исследования. В качестве методологической основы диссертационного исследования применялся метод диалектики как общенациональный метод познания, а также некоторые частно – научные методы: исторический,

сравнительного анализа, технико – юридический, системного анализа, нормативно – аналитический, формально – логический.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют труды ученых – правоведов как в области обязательственного права, так и посвященных общим вопросам гражданского права: Т. Е. Абовой, М. М. Агаркова, Е. Б. Александрова, В. В. Байбака, В. В. Баркалова, М. И. Брагинского, В. А. Белова, В. С. Белых, А. П. Вершинина, В. В. Витрянского, В. А. Вошатко, Ю. С. Гамбарова, Д. М. Генкина, К. В. Гницевича, Б. М. Гонгало, В. П. Грибанова, Д. Д. Гримма, В. Давыдова, Е. А. Дедкова, Л. Г. Ефимовой, Т. И. Илларионовой, О. С. Иоффе, А. Ю. Кабалкина, Р. И. Каримуллина, Д. А. Керимова, Г. Н. Клиновой, О. А. Колесникова, В. Ю. Кононенко, Е. А. Крашенинникова, О. Г. Ломидзе, Л. А. Лунца, А. И. Минакова, Д. В. Мурзина, И. Б. Новицкого, Т. Е. Новицкой, А. Л. Новоселова, Л. А. Новоселовой, Е. А. Павлодского, Н. Платоновой, В. А. Плетнева, А. А. Попова, В. В. Почуйкина, А. В. Пушкиной, В. В. Ровного, О.Н. Садикова, А. К. Саркисова, О. М. Свириденко, А. П. Сергеева, В.И. Синайского, К. И. Скловского, Е. К. Степаненко, Е. А. Суханова, С. В. Тарнопольской, Ю. К. Толстого, М. В. Трофимова, Ю. Е. Туктарова, Е. А. Флейшиц, Ю. Б. Фогельсона, Р. О. Халфиной, Б. Л. Хаскельберга, Ф. С. Хейфеца, П. П. Цитовича, Л. Чеговадзе, Б. Б. Черепахина, А. С. Яковleva, В. Ф. Яковleva.

Изучены теоретические концепции русских цивилистов XIX-начала XX веков: В. Э. Герценberга, Д. И. Мейера, Н. О. Нерсесова, И. С. Перетерского, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, В.М. Хвостова, Г. Ф. Шершеневича.

Проанализированы тенденции развития теории и практики применения нормативного материала об обороте обязательственных прав, представленные в диссертационных исследованиях О. В. Приказчиковой¹ и

¹ Приказчикова О. В. Цессионное правоотношение, его структура и место в обязательственном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007

А. В. Пушкиной¹ и автореферах М. С. Бессарабова², С. Б. Култышева³ и Е. А. Рыжковской⁴.

В работе использованы также труды ряда зарубежных исследователей: С. Базинаса, Ю. Барона, Б. Виндшейда, Е. Годэмэ, Г. Дернбурга, Р. Йеринга, Х. Кетца, Г. Ласка, Б. Маркелла, Р. Саватье, К. Цвайгерта, Я. Шаппа.

Эмпирической основой диссертационного исследования является опубликованная и неопубликованная судебная практика по вопросам применения законодательства, регулирующего перемену лиц в обязательстве.

Научная новизна диссертации может быть сформулирована в следующих выводах и положениях, выносимых на защиту:

1. Аргументирована позиция о допустимости использования конструкции «право на право» при рассмотрении обязательственного права (требования) в качестве объекта гражданских прав. Содержание данного права следует определить как прямо не поименованный в ГК РФ комплекс следующих правомочий: а) требовать от должника соблюдения условий обязательства; б) на собственные действия в отношениях с должником; в) на защиту принадлежащего обязательственного права (требования); г) распоряжения обязательственным правом (требованием).

2. Автор утверждает, что существующее в настоящее время неограниченное право сторон цессионного правоотношения на запрет последующих уступок передаваемого права (требования) создает необоротоспособные объекты прав и препятствует созданию цивилизованного рынка имущественных требований. В связи с изложенным, предлагается непосредственно в законе установить основания запрета уступок, имеющего абсолютный (публичный) характер. Любой иной

¹ Пушкина А. В. Уступка требования как форма правопреемства в гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М, 2006

² Бессарабов М. С. Проблемы реализации норм Гражданского кодекса Российской Федерации об уступке права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 19 С.

³ Култышев С. Б. Распоряжение требованиями посредством уступки: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 25 С.

⁴ Рыжковская Е. А. Сделки как основания перемены лиц в обязательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 23 С.

согласованный сторонами запрет на последующую уступку права (требования) необходимо рассматривать исключительно как договорное обязательство цессионария перед цедентом, не влияющее на дальнейшую оборотоспособность права (требования).

3. В ходе анализа разграничения договора о совершении уступки права (требования) и собственно сделки цессии сделан вывод о ее одностороннем характере. Сделка цессии по существу представляет собой действие по исполнению обязательства должником (цедентом) в отношении кредитора (цессионария). Учитывая, что в отличие от *traditio* совершающее действие не имеет материально – вещественного содержания, активное участие в нем кредитора представляется излишним и не влияющим на действительность передачи.

4. Воплощенная в ст. 1106 ГК РФ точка зрения об абсолютной абстрактности сделки цессии существенно ограничивает права первоначального кредитора в случае утраты им имущественного права (требования) вследствие незаконных действий и создает риск совершения мошеннических операций с данными объектами гражданских прав. В связи с изложенным автор предлагает исключить возможность перехода права (требования) от цедента к цессионарию, если основанием передачи является ничтожная сделка.

5. На базе исследования ключевых характеристик обязательственного права (требования) сделан вывод об отсутствии необходимости специально оформлять передачу права (требования) в случаях, когда стороны договорились о моменте перехода права (требования) ином, нежели дата соглашения (договора) о совершении уступки. Данная точка зрения аргументирована тем, что наличие юридического факта, с которым стороны связывают момент перехода права (требования) фиксирует переход права (требования), но не является способом его передачи.

6. Одним из аргументов допустимости уступки права (требования) по двусторонне – обязывающему (длящемуся) договору является единство правового режима прав (требований). Автор утверждает, что признавая правомерной цессию прав (требований) по конкретному обязательству в рамках синаллагматического договора, подтвержденных судебным актом, ограничивать цессию отдельных прав (требований) в рамках длящегося правоотношения в иных случаях нет правовых оснований.

7. При передаче имущественного права (требования) банком некредитной организации права должника на сохранение банковской тайны оказываются существенно ущемленными. В работе выдвинут тезис о необходимости прямого закрепления в законе положения о правопреемстве цессионария по этим обязательствам банка – цедента.

8. При рассмотрении вопроса, связанного с уступкой права (требования) предоставления кредита, разграничены ситуации когда: а) обязанность по возврату кредита сохраняется за цедентом; б) обязанность по возврату кредита возлагается на цессионария. Сделано заключение, что лишь в первом случае имеет место уступка права (требования) в ее классическом понимании. В случае же намерения сторон заменить субъекта обязанности по возврату кредита правоотношения сторон следует квалифицировать как «замена стороны в договоре», которая не регулируется нормами § 1 главы 24 ГК РФ.

Практическая и теоретическая ценность работы. Содержащиеся в диссертации выводы, предложения и рекомендации могут быть использованы в правотворческой деятельности по совершенствованию законодательства о перемене лица в обязательстве, а также приняты к руководству в правоприменительной практике.

Структура работы и ее содержание обусловлены задачами и логикой проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав,

объединяющих восемь параграфов, списка использованной литературы и нормативных актов.

В работе автор, учитывая многогранность и многочисленность проблем, связанных с применением положений о цессии, не стремится к постановке и решению всех вопросов, связанных с данным институтом. Во главу угла поставлены, по его мнению, лишь наиболее значительные и вызывающие наибольший интерес проблемы как в теоретической, так и в практической плоскостях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, отражается степень ее разработанности, определяются цели, задачи и предмет работы, раскрываются методологические, теоретические и эмпирические основы исследования, формулируется научная новизна и практическая значимость диссертации.

Глава первая «**Обязательственное право (требование) как самостоятельный объект гражданских прав**» состоит из двух параграфов.

В параграфе первом «**Понятие и юридическая характеристика обязательственного права (требования)**» данный объект гражданских прав рассмотрен в контексте основных принципов подотрасли обязательственного права, исследована возможность правопреемства в отношении права (требования) и проанализированы его особенности с точки зрения теории разделения прав на вещные и обязательственные.

Согласно п. 1 ст. 307 ГК РФ, гражданское – правовое обязательство представляет собой определенное правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и.т.п.) либо воздержаться от него, а кредитор имеет право требовать

от должника исполнения его обязанности. Данное понимание обязательства является классическим, однако на разных этапах развития общества в целом, и права в частности, данное понятие имело различное толкование. Изначально обязательство рассматривалось как полное господство кредитора над должником и имело характер личной связи. Под давлением развития товарно – денежного оборота гражданско – правовая теория планомерно «очищает» конструкцию обязательства от личностных элементов для создания самостоятельного полноценного объекта гражданских прав – обязательственного права (требования).

Обязательственное право (требование) рассмотрено в двух аспектах: а) в качестве объекта правоотношения; б) в качестве объекта права. Автор констатирует, что категории «объект права» и «объект правоотношения» не являются тождественными, т.к. понятие «объект права» применительно к обязательственному праву (требованию) включает в себя не только собственно правовую связь кредитора и должника в правоотношении, но и правомочие кредитора по распоряжению принадлежащим ему имущественным благом.

Отход от понимания обязательства как личного отношения позволяет сделать вывод о возможности изменения правоотношения в субъектном составе. Как известно, изменение субъектного состава обязательства происходит путем использования института правопреемства. Принимая во внимание, что изменение субъекта в обязательстве влечет правопреемство только в данном обязательстве, необходимо вести речь о сингулярном правопреемстве.

Учитывая специфику обязательственного права (требования) в качестве объекта права исследуется возможность существования конструкции «право на право», которая, несмотря на большую практическую востребованность и значительный объем научных наработок, до сих пор не получила отражения в теории гражданского права. Признание обязательственных прав

(требований) объектом прав (по сути товаром) выводит их за рамки собственно правоотношения и требует раскрытия всех полномочий кредитора в отношении принадлежащего ему права (требования). В противном случае невозможна какая – либо легитимация уполномоченного лица, реализация его имущественного интереса вне связи с конкретным должником, и, в конечном итоге, цивилизованный оборот.

Проведя сравнительный анализ полномочий собственника имущества и кредитора в обязательстве автор приходит к выводу о том, что объем прав в отношении обязательственного права (требования) как объекта права – это совокупность правомочий кредитора в правоотношении и правомочия по распоряжению обязательственным правом (требованием).

Таким образом, содержанием права кредитора в отношении принадлежащего ему обязательственного права (требования) является комплекс следующих правомочий: 1) права требовать от должника соблюдения условий обязательства; 2) право на собственные действия в правоотношении с должником; 3) право на защиту права (требования) в отношениях с третьими лицами; 4) право распоряжения обязательственным правом (требованием).

В параграфе втором **«Оборотоспособность обязательственных прав (требований)»** выявлены предпосылки и раскрыты особенности оборота прав (требований) из обязательств. Так, например, в отличие от оборота вещей оборот обязательственных прав (требований) может быть ограничен не только императивными нормами закона, но и актами частной воли.

Примером запрета, имеющего публичный характер, является запрет на уступку так называемых «высокоперсонифицированных» требований, примерный перечень которых указан в ГК РФ. Частные ограничения оборотоспособности обязательственных прав (требований) более разнообразны. Так, стороны правоотношения вправе договориться о запрете уступки права (требования) либо необходимости предварительного согласия

должника на такую уступку. И в том, и в другом случае мы имеем дело с правом (требованием), оборот которого недопустим без дополнительных юридических фактов, наличие которых поставлено в зависимость от воли стороны (сторон) правоотношения. Автор констатирует, что такая возможность ограничения является серьезным сдерживающим фактором развития рынка долговых требований. В связи с изложенным выдвинут тезис о необходимости закрепления непосредственно в ГК РФ запретов уступок определенных прав (требований) наряду с конструкцией, аналогичной сформулированной в п. 1 ст. 828 ГК РФ применительно к сделкам финансирования под уступку денежного требования. Иными словами, право (требование), поскольку из закона не вытекает иное, является полностью оборотоспособным. Любое ограничение договорного характера должно рассматриваться исключительно в контексте взаимных обязательств первоначального кредитора и должника, не влияющих на оборотоспособность самого обязательственного права (требования).

Приведены аргументы, что неопределенность в правовом регулировании уступки прав (требований) в случаях, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника, несет в себе риск неограниченного судебского усмотрения и не способствует стабильности отношений в данной сфере. Одновременно констатируется, что в правовых системах континентального типа данная проблема не имеет перспектив всеобъемлющего урегулирования в законодательном порядке. Автором предлагается определенный компромисс в виде: а) установления непосредственно в ГК РФ критериев для квалификации обязательства по п. 2 ст. 388 ГК РФ; б) ограничения применения п. 2 ст. 388 ГК РФ к отношениям, связанным с предпринимательской деятельностью сторон.

Обоснован тезис о том, что положения Главы 24 ГК РФ не распространяются на передачу имущественных прав, возникающих по основаниям иным, нежели обязательство (вещные, исключительные права).

Допустимость же уступки прав (требований), вытекающих из обязательств, не ограничено видом требования. Так, например, правомерна уступка прав (требований) по убыткам и неустойкам, при этом кредитор не ограничен в возможности передать право (требование) как полностью, так и в части.

Рассмотрена возможность перехода к цессионарию права по соглашениям о подсудности. Ключевым критерием законности такого перехода автор предлагает рассматривать принцип невозможности ухудшения прав должника вследствие уступки, т.к. цессионарий при приобретении права (требования) вполне осведомлен об условиях его реализации. Должник же, в случае ограничении его права состоявшейся уступкой, вправе ссылаться на п. 2 ст. 388 ГК РФ и требовать признания сделки цессии недействительной в части соглашения о подсудности.

Таким образом, сделан вывод о том, что обязательственные права (требования) обладают всеми качествами полноценного объекта прав и способны выступать в качестве средства платежа, объекта мены, продажи, залога и проч. В то же время обращается внимание на необходимость дальнейшей либерализации правового регулирования в данной области.

Глава вторая **«Институт уступки права (требования) в гражданском праве»** состоит из двух параграфов.

Параграф первый **«Эволюция института уступки права (требования)»** посвящен рассмотрению основных характеристик института уступки права (требования) на разных этапах развития общества, от первых упоминаний в римском праве до современных концепций в различных правопорядках.

На ранних этапах развития римского права переход прав кредитора к другому лицу не допускался вообще. Обязательство в римском праве понималось как «личная связь между кредитором и должником. Поэтому изменить кредитора или должника означало уничтожить обязательство»¹.

---

¹ Годэм Э. Общая теория обязательств. М.: Госюриздан, 1948. С. 259

Отсюда вытекали общие правила в виде непередаваемости прав, что, однако, не препятствовало переходу прав в порядке универсального правопреемства. Так, например, допускалась уступка наследственной массы до ее принятия наследником.

Тем не менее, потребности оборота требовали более гибкого подхода к регулированию имущественных отношений, в связи с чем возникли институты новации обязательства (*novatio obligations*) и процессуального представительства (*procuratio in rem suam*).

Особенностями *novatio obligations* было прекращение права у прежнего кредитора и его возникновение у нового кредитора. Очевидно, что в этом случае подлинного правопреемства не происходило, т.к. новый кредитор получал абсолютно новое право, не обремененное возражениями должника в отношении прежнего кредитора. Конструкция *procuratio in rem suam* давала новому кредитору право на иск с обращением в свою пользу полученного по судебному решению. То есть данная конструкция позволяла лишь изменить адресата исполнения, но не являлась цессией в ее классическом понимании.

Несмотря на очевидную ущербность данных моделей, их развитие в позднем римском праве породили принципы, используемые и поныне (например, недопустимость уступки прав, неразрывно связанных с личностью кредитора и гипотеза о том, что сама по себе перемена кредитора не вредит должнику).

В европейском континентальном праве периода XVIII – XIX веков уступка прав (требований) в ее классическом понимании уже закреплена в соответствующих статутах. В англо – американском праве развитие института цессии в основном было связано с правом справедливости. Суды общего права допускали лишь осуществление третьим лицом, имеющим полномочия от кредитора, права требования от имени кредитора, имеющее корни римской *procuratio in rem suam*. В последующем нормы об уступке

права (требования) были прямо закреплены в Единообразном торговом кодексе США.

Российское дореволюционное законодательство не содержало кодифицированных норм об уступке обязательственных прав (требований), однако возможность таких уступок допускалась нормами о конкретных видах обязательств. В проекте Гражданского Уложения была предпринята попытка кодификации данного института в виде выделения его в отдельную главу.

Определенную преемственность в этом вопросе занял ГК РСФСР 1922 года, однако в плановой социалистической экономике данный институт не был востребован. И только начало экономических реформ в Советском Союзе, а затем и в Российской Федерации в конце 80-х, начале 90-х годов возродили интерес к обороту обязательственных прав (требований), что предопределяет дальнейшее развитие института уступки прав (требований) уже в рамках современного российского права.

В параграфе втором **«Характеристика института уступки права (требования) в современном праве»** исследован ряд специфических аспектов института уступки права (требования) и сформулированы направления его дальнейшего совершенствования.

Аргументирован тезис об одностороннем характере сделки уступки права (цессии). При этом, в основу данного утверждения положен принцип разграничения договора (соглашения) сторон о совершении уступки и самой сделки (уступки) – цессии. Таким образом, воля цессионария приобрести право (требование) к должнику выражается в договоре (соглашении) с цедентом о совершении уступки и никаких дополнительных действий с его стороны не требуется. Сама же сделка уступки (цессия) по существу представляет собой исполнение договора (соглашения) цедентом. Нематериальный характер обязательственного права (требования) исключает какую – либо возможность цессионария влиять на процедуру исполнения.

Сформулирована позиция о том, что при применении ст. 390 ГК РФ недействительным следует признавать сделку уступки (цессии), но не договор (соглашение), лежащий в ее основании. Если признавать недействительным договор (соглашение) об уступке, то смысл ст. 390 ГК РФ во многом теряется. Ведь признание договора недействительным дает требование только о реституции. Если признать недействительной сделку уступки (цессию), наступает ответственность цедента за ненадлежащее исполнение договора (соглашения). Указывается, что при таком толковании интересы цедента и цессионария наиболее сбалансированы.

В результате разграничения сделок уступки (цессии) и договоров, лежащих в их основании, обоснован абстрактный характер сделки уступки (цессии). Одним из аргументов в пользу данного подхода является диспозиция ст. 1106 ГК РФ о переходе права (требования) к цессионарию даже в случае, когда обязательство, из которого оно возникло, не существует или недействительно.

Безусловно, принцип абстрактности цессии отвечает интересам должника и способствует развитию оборота обязательственных прав (требований). Тем не менее, автором критикуется формализм данной конструкции, т.к. интересы цедента в этом случае оказываются несоразмерно ущемленными.

В качестве компромисса, органично сочетающим нужды оборота и правомочия субъектов цессионных правоотношений, предлагается придать сделке уступки (цессии) ограничительно каузальный характер. При этом, в основу данной модели может быть положен критерий деления сделок на ничтожные и оспоримые, и правила об абстрактности цессии не должны применяться к случаям отчуждения обязательственных прав (требований) по ничтожным сделкам.

Ознакомившись с взглядами известных цивилистов и исследовав ключевые характеристики института уступки права (требования) автор

приходит к выводу, что момент передачи права (цессия) и момент заключения договора (соглашения) об уступке совпадают во времени. При этом, положения об одномоментности договора (соглашения) сторон о совершении уступки и его исполнении (цессии) будут действовать в случае, поскольку сторонами не будет согласован иной момент передачи права (требования). Если по соглашению сторон этот момент не совпадает с датой заключения договора (соглашения) обязательственное право (требование) будет считаться переданным в согласованную дату без дополнительного оформления таковой.

Указано, что выделять группы договоров, на основании которых отчуждается право требования, в особую группу договоров не имеет смысла, т.к. для регулирования отношений, лежащих в основе передачи, вид имущества (вещи или обязательственные права (требования) имеет второстепенное значение. Главная роль принадлежит регулированию взаимных прав и обязанностей сторон, которые однотипны в обоих рассматриваемых случаях. В связи с изложенным не следует также противопоставлять договор (соглашение) об уступке права (требования) с одной стороны и договор (соглашение), определяющий встречное предоставление – с другой, поскольку включение в договор (соглашение) об уступке условия о встречном представлении цессионария не меняет его юридической сущности.

Таким образом, договоры (соглашения) об уступке права (требования) могут быть облечены в любые виды договоров об отчуждении имущества, предусмотренных ГК РФ, в зависимости от целей, преследуемых субъектами правоотношений и с учетом специфики нематериального характера отчуждаемого блага.

Глава третья «Отдельные аспекты применения норм института уступки права (требования) в гражданском праве России» состоит из четырех параграфов.

В параграфе первом «**Уступка права (требования) из двусторонне – обязывающих договоров**» рассмотрены основные проблемы вовлечения в оборот прав (требований) по синаллагматическим договорам, предложено теоретическое обоснование возможности отчуждения части права в обязательстве.

Констатируется, что на начальном этапе применения норм Главы 24 ГК РФ было выработано и широко применялось правило о том, что уступка права (требования) влечет перемену лиц в обязательстве. При этом термины «обязательство» и «правоотношение» рассматривались как идентичные, не в последнюю очередь по причине формального толкования названия части второй ГК РФ «Отдельные виды обязательств». Теоретической базой для подобных утверждений являлись посылки об одновременности уступки права и долга по длящемуся обязательству и неурегулированностью вопроса дальнейшего взаимодействия цедента и должника.

Поворотным пунктом в изменении такого подхода стали публикации о недопустимости дифференциации договоров и обязательств по ним в зависимости от срока их действия. Затем была предложена широко применяющаяся в западно – европейской цивилистике модель деления обязательств на «обязательства в широком смысле» и «обязательства в узком смысле». В первом случае речь шла о правоотношении (договоре), а во втором – об отдельном требовании кредитора с корреспондирующей ему обязанностью должника (например, требование о передаче отдельной вещи, требование арендодателя об арендном платеже за определенный период). Иными словами, если из длящегося договора могут быть выделены отдельные обязательства, их отчуждение по правилам об уступке права (требования) вполне допустимо. Данная точка зрения в настоящий момент считается устоявшейся.

Дополнительным аргументом допустимости уступки прав (требований) по двусторонне – обязывающим (длящимся) договорам автор считает

принцип единства правового режима прав (требований) в правоотношении. Так, даже во времена, когда уступка прав (требований) без перемены лиц в правоотношении (договоре) не допускалась, суды удовлетворяли иски энергоснабжающих организаций к абонентам о взыскании задолженности за определенный период. Из этого следует, что судебные органы безусловно признавали наличие у истцов права требования к должникам, права обособленного, не связанного с иными правами и обязанностями сторон по договору, а также достаточно идентифицированного для участия в обороте. Зачастую после вынесения судебного решения об удовлетворении требований данные права (требования) отчуждались в пользу третьих лиц и данное отчуждение признавалось правомерным. Отсюда со всей очевидностью следует вывод о том, что поскольку закон не дифференцирует правовой режим обязательственных прав (требований) в зависимости от наличия либо отсутствия их подтверждения судебным решением, следует признать, что нет правовых оснований для запрета уступки отдельного права (требования) в обязательстве из синаллагматического договора.

Частным случаем уступки права из двусторонне – обязывающих договоров является уступка части права (т.н. «частичные уступки»). Указывается, что дополнительным условием участия «части (права) требования» в обороте является делимость обязательства.

Таким образом, делается вывод о том, что уступка права (требования) из двусторонне – обязывающего договора не противоречит нормам Главы 24 ГК РФ, а единственным условием для вовлечения в оборот таких прав (требований) является возможность их идентификации на момент передачи.

Параграф второй «**Уступка будущего права (требования)**» посвящен изучению одной из наиболее дискуссионных в гражданско – правовой теории разновидностей цессии.

Проведена классификация «будущих» прав на: а) права требования, срок исполнения по которым еще не наступил; б) права по обязательствам,

которые возникнут в будущем. Примечательно, что еще в начале ХХI века такая классификация была бессмысленна, т.к. правоприменимительная практика вообще не допускала уступки будущих прав (требований). Формальным основанием для запрета было толкование п. 1 ст. 382 ГК РФ, согласно которому может быть передано право (требование), уже имеющееся у кредитора в отношении должника.

Далее автором обосновывается, что данная точка зрения не соответствует доктринальному положению о возможности заключения договоров в отношении имущества, не имеющегося у отчуждателя на дату договора. Несомненно, что условием действительности права (требования) является его фактическое существование. При этом, момент возникновения (начала существования) этого права (требования) для целей совершения сделки с этим правом значения иметь не должен, т.к. возможность реализации права (требования) в любом случае поставлена в зависимость от его наличия. И если цессионарий получает несуществующее (недействительное) требование, то он в любом случае рискует не более, чем покупатель товара, не имеющегося у продавца на момент совершения сделки.

Одной из проблем, связанных с уступкой будущих прав, является отсутствие легального определения «будущее требование» непосредственно в законе. Тем не менее, применение аналогии закона позволяет сделать вывод, что под будущими требованиями в строгом смысле слова следует понимать требования из договоров, которые будут заключены в будущем. Данный подход воспринят европейским правом и отражен в проекте.

Во многом позиция о недопустимости уступки «будущих требований» была построена на тезисе о невозможности индивидуализировать право (требование) как элемент содержания основного обязательства (обязательства между цедентом и должником) на дату договора (соглашения) об уступке, что исключало его передачу. Обосновывая возможность таких уступок автор апеллирует к действующему в российском праве принципу

«определенности» условий договора (в т.ч. существенных). Применительно к обязательственному праву (требованию) можно отметить, что оно с достаточной степенью ясности может быть индивидуализировано в момент его возникновения. В этом случае предлагается использовать следующую процедуру идентификации и передачи обязательственного права (требования):

- договор уступки будущих прав (требований) является соглашением сторон об уступке (цессии) таких прав в момент, когда таковые станут существующими;
- сделка цессии будущих прав (требований) вступает в силу лишь в момент их возникновения.

Анализ абз. 2 п. 2 ст. 826 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что применительно к договорам финансирования под уступку денежного требования, законодатель допускает такой алгоритм возникновения обязательственного права (требования) в качестве объекта права.

В параграфе третьем **«Уступка права (требования) из кредитного договора»** исследуются основные проблемы применения института уступки права (требования), возникшего из правоотношений с участием банка.

Вопрос о возможности уступки права (требования) из кредитного договора рассмотрен в двух аспектах: а) уступки права (требования) возврата кредита, начисленных процентов и имущественных санкций; б) уступки права требования предоставления кредита.

В конце 90-х годов прошлого века правоприменитель пошел по пути признания истребования долгов по кредитам (процентов, неустоек) банковской операцией в контексте ст. 5 Закона РФ «О банках и банковской деятельности» и запретил совершать сделки уступки небанковским организациям. Порочность данной практики была вскоре признана на всех уровнях, однако проблему «специального субъекта» в кредитных

правоотношениях при совершении сделок уступки права (требования) до сих пор нельзя признать решенной.

Во – первых, любая кредитная организация должна рассматриваться не только как субъект частного права, но и как лицо, которое осуществляет ряд публичных функций (перечисление налогов в бюджетную систему, функции агента валютного контроля), а также как субъект, деятельность которого, в силу его значимости, подлежит специальному регулированию. Любые злоупотребления, совершенные при уступках обязательственных прав (требований) способны нанести значительный ущерб большому кругу лиц и государству.

Во – вторых, банк является специальным субъектом, на которого возложены обязанности по соблюдению банковской тайны. Очевидно, что цессионарий – небанковская организация, получая право (требование) к должнику, субъектом данной обязанности уже не является. Принимая во внимание один из ключевых принципов института уступки – сохранение *status quo* должника, представляется, что последний вправе оспорить такую уступку по основаниям, указанным в п. 2 ст. 388 ГК РФ. Таким образом, все уступки банками прав (требований), возникающих из кредитных правоотношений, имеют серьезные риски быть оспоренными, что не способствует развитию оборота данного вида долговых инструментов.

Обоснована неправомерность применения к отношениям по уступке права получения кредита норм § 1 Главы 24 ГК РФ. Учитывая, что после такой уступки как правило меняется субъект обязанности по возврату кредита (а иные случаи автору не известны и судебной практикой не исследовались), то уместно говорить не только о замене стороны в обязательстве по предоставлению кредита («обязательство в узком смысле»), но и в обязательстве по возврату кредита («обязательство в широком смысле»). В данном случае необходимо оперировать конструкцией «замена стороны в договоре», которая не регулируется нормами § 1 Главы 24 ГК РФ.

В параграфе четвертом «Пути совершенствования законодательства и практики применения института уступки права (требования) на современном этапе» на основе анализа имеющихся проблем применения отдельных положений об уступке прав (требований) сформулированы основные направления дальнейшего развития данного института в рамках обязательственного права России.

Статьи, опубликованные в российских рецензируемых научных журналах и изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук:

1. Кузнецов А. В. Особенности правового регулирования оборота обязательственных прав (требований) // Вестник Южно – Уральского государственного университета. 2010. № 18. 0,7 п.л.
2. Кузнецов А. В. О моменте перехода права в цессионном правоотношении // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19. 0,4 п.л.
3. Кузнецов А. В. Цессия в кредитном правоотношении и проблемы «специального субъекта» // Бизнес, Менеджмент и Право. 2010. № 2. 0,6 п.л.